

шении к другим конфессиям. К примеру, восточные верования зачастую вызывали у них симпатию¹¹⁷. Так или иначе, обобщив свои наблюдения за религиозностью в Латинской Америке, путешественники обычно констатировали, что католическим миссионерам и священнослужителям удалось добиться лишь внешней христианизации. Так, Лангсдорф был убеждён, что крещёные индейцы лишь потому посещают мессу, что «их к этому принуждают; в остальное же время не хотят ничего знать ни о португальцах, ни о религии и после запоя уходят в леса»¹¹⁸. Впрочем, в подобных явлениях можно было усматривать как свидетельство «колонизаторской неспособности испанцев»¹¹⁹, так и, напротив, особую гибкость католичества, которое «сумело приспособить внешнюю сторону религии к туземному мировоззрению»¹²⁰.

В целом «царство антиподов» служило русскому человеку в XIX – начале XX в. и зеркалом, и лупой. На необъятных просторах Америки, как полагал А.С. Ионин, «всё... разрастается и экзажерируется до невероятия – и наши качества, и наши недостатки, и наши растения, и наши утопии, и религия, и отрицание»¹²¹. Таким образом, путешествия позволяли увидеть свои недостатки и утопии в гипертрофированном виде. А приложение нового знания к жизни начиналось с публикации этих размышлений в виде путевых заметок.

¹¹⁷ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. С. 109; Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. С. 85–86; Александр Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 109.

¹¹⁸ Дневник русской комплексной академической экспедиции... С. 69.

¹¹⁹ Протопопов С.Д. Указ. соч. С. 85.

¹²⁰ Коцебу О.Е. Указ. соч. С. 554–555; Литке Ф.П. Указ. соч. С. 100; Коллонтай А.М. Дипломатические дневники... Т. 1. С. 295; Арнс Е. Указ. соч. С. 601–602; Деволян Г.А. Указ. соч. № 5. С. 636; Крымов В.П. В стране любви... С. 93; Воронов Ю.Н. Указ. соч. С. 32, 46. Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. С. 177.

¹²¹ Ионин А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

Николае Кретзулеску – полномочный министр Румынии в Санкт-Петербурге (1881–1886)

Адриан-Богдан Чеобану

Nicolae Kretzulescu, a minister plenipotentiary of Romania in St. Petersburg (1881–1886)

*Bogdan Ceobanu (Department of history,
Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania)*

Прошло более века со дня смерти видного румынского государственного деятеля и дипломата Николае Кретзулеску (1812–1900), но до сих пор нет основательного исследования о его дипломатической карьере¹. Данная статья по-

священа деятельности Кретзулеску на посту полномочного министра Румынии в столице Российской империи с мая 1881 г., когда он был назначен на этот пост, по апрель 1886 г., когда подал в отставку.

Николае Кретзулеску родился в Бухаресте, в 1839 г. окончил медицинский факультет Парижского университета, после чего вернулся на родину с целью организовать систему здравоохранения в Валахии; участвовал в революции 1848 г. и 4 августа был назначен ревизором в «администрации Великой Валахии». После подавления революции он покинул страну, но вернулся в 1849 г., когда господарем Валахии стал Б. Штирбей. Кретзулеску занимал должности директора в Министерстве иностранных дел (1854–1855) и министра финансов (1857), участвовал в политической жизни и после объединения Румынских княжеств в 1859 г. В июле 1862 г. он был назначен председателем Совета министров и министром внутренних дел, а с июня 1864 г. – министром юстиции и министром по делам культов в правительстве, возглавляемом М. Когэлничану. После 1870 г. Кретзулеску был избран депутатом состава избирателей Мусчел, а 12 марта 1871 г. согласился стать министром юстиции и временно исполняющим обязанности министра общественных работ в правительстве, возглавляемом Л. Катарджиу. В декабре 1873 г. Кретзулеску начал свою дипломатическую деятельность как дипломатический агент Румынии в Берлине (с января 1874 г. по май 1876 г.), с 1879 г. он – министр по делам культов и образования, а с января 1880 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр Румынии в Риме².

В марте 1881 г. ушёл из жизни Я. Гика, являвшийся полномочным министром Румынии в России с 1878 г., и правительство страны оказалось перед вопросом, кого назначить на его место. Почему выбор пал именно на Кретзулеску? После 1878 г. в румынской дипломатии существовала практика назначения крупных политиков на посты в европейских столицах. Дело в том, что в начале 1880-х гг. профессиональных румынских дипломатов, которые бы последовательно проходили все дипломатические ранги вплоть до полномочного министра, не существовало. С другой стороны, по мнению кн. Л.П. Урусова, русского полномочного министра в Румынии (1880–1886), назначение Кретзулеску на пост в царской столице мотивировано тем, что король Карол I желал быть представленным при царском дворе человеком без такого политического прошлого, которое могло бы внушать недоверие императорскому правительству³.

Ещё одной причиной назначения Кретзулеску, на мой взгляд, стал тот факт, что в марте 1878 г. дипломат опубликовал брошюру «Размышления о возвращении бессарабских уездов»⁴. В ней он подверг критике образ действий румынского правительства и парламента, а также негативную по отношению к России реакцию румынской прессы на бессарабское «дело», из-за которых, писал он, «мы потеряли симпатии нашей сильной соседней нации»⁵. Дипломат высказал мнение, что политика румынского правительства была в то время «несерьёзной». С точки зрения румынского дипломата А.Э. Лаховари, опубликовав эту брошюру, «Кретзулеску пошёл навстречу желанию царя стереть унижение, перенесённое Россией после подписания Парижского мирного договора.

¹ См.: *Xenopol A.D. Nicolae Kretzulescu: Viața și faptele lui 1812–1900*. București, 1915. P. 111–137; *Barbu G. Nicolae Kretzulescu*. București, 1964. P. 110–237; *Căpușan A.A. Diplomați români de elită – o istorie incompletă a diplomației române prin diplomați*. Vol. I. București, 2009. P. 104–108.

² *Barbu G.* Op. cit. P. 110–262; *Căpușan A.A.* Op. cit. P. 104–108.

³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 597, л. 68.

⁴ *Kretzulescu N. Cugetări asupra retrocedării județelor din Basarabia*. București, 1878.

⁵ Ibid. P. 8.

Он указал на значение и на многочисленные выгоды, которые могла бы принести Румынии разумная политика по отношению к сильной соседней стране»⁶. Более того, добавлял Лаховари, назначение Кретзулеску министром в Петербург «было подобием запоздалой благодарности бухарестских официальных лиц»⁷.

Наконец, третьей возможной причиной назначения Кретзулеску могли стать матримониальные связи румынского дипломата в русском обществе. Он был женат на Софии Яковенко, дочери И. Яковенко, бывшего секретаря русского консульства в Бухаресте, ставшего затем директором почтового ведомства Румынских княжеств. С. Яковенко очень ценили в румынском обществе⁸. Мне уже приходилось писать, что в конце XIX в. большинство румынских министров в Петербурге находились в прямых или косвенных родственных связях с представителями русского общества⁹.

Назначенный министром в мае 1881 г., Кретзулеску приехал в Петербург через месяц, и по его настоятельному желанию секретарём миссии второго класса был назначен уже упоминавшийся Лаховари, который через год стал его зятем. Из воспоминаний Лаховари известно, что «одной из первых забот Н. Кретзулеску было найти подходящее для миссии здание». Вдвоём они посетили несколько домов и, в конечном счёте, выбрали первый этаж дома Мясоедова, где «салоны для приёмов, да и жилые комнаты были просторными и светлыми»¹⁰. Почему выбор подходящего помещения оказался так важен? Лаховари отмечает, что «в его элегантных салонах должны были проходить роскошные приёмы, вечера, балы или театральные представления, в которых бы играли роли молодые члены дипломатического корпуса»¹¹. После Берлинского конгресса бухарестские политические деятели осознали, что «сегодня наш полномочный министр имеет тот же ранг, что и все остальные европейские министры; теперь его будут приглашать на все представления, на все обеды, устроенные министрами или представителями других стран, и он, в свою очередь, должен приглашать их, потому что все они находятся на равных»¹². Предыдущий румынский министр при российском дворе Я. Гика «говорил, что разорился из-за больших расходов на приличный дом и на все требования этикета»¹³.

В 1881 г. полнокровной светской жизни в Петербурге не было, поскольку русское общество ещё находилось в шоке от убийства Александра II. Только в апреле 1882 г. румынская миссия устроила спектакль, в котором молодые члены дипломатического корпуса, аккредитованного при российском дворе, поставили пьесы «*La lettre chargée*», «*Le télégramme*», «*Le plus beau jour de la vie*»¹⁴. В начале 1882 г. в частном письме к Э. Стэтеску Кретзулеску так описывал свои впечатления от жизни в русской столице: «Здесь положение то же: члены царской семьи вместе с двором живут, как пленники, в закрытой Гатчи-

⁶ Arhivele Naționale Istorice Centrale (далее – ANIC), fond Kretzulescu familial, d. 825, f. 39–41.

⁷ Ibid., f. 41–42.

⁸ Cantacuzino S. Din viața familiei I.C. Brătianu. București, 1993. P. 75–76.

⁹ См.: Ceobanu A.-B. Ruși și români: diplomație și relații matrimoniale în a doua jumătate a secolului XIX // Anuarul Institutului de Istorie A.D. Xenopol. T. XLVII. Iași, 2010. P. 181–192.

¹⁰ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 825, f. 38.

¹¹ Ibid.

¹² Organizarea instituțională a Ministerului Afacerilor Externe. Acte și documente. Vol. I. 1859–1919 / Ed. de I. Mamina, G. Neacșu, G. Potra. București, 2004. P. 387.

¹³ Ibid.

¹⁴ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 141, f. 3.

не; время от времени говорят о новых арестах, но за что, кого арестовали и что будет с арестованными, никто ничего не может знать. Говорят, что во дворце интриги продолжают... После обеда в дружеской беседе господин Гирс выразил своё сожаление по поводу сложившейся ситуации и сказал мне, что гибель императора Александра II является большой потерей для России; он отозвался весьма нелестно о нынешнем императоре, говоря, что царь слишком любит семейную жизнь и что ему не хватает опыта отца... Не можете себе представить, какая здесь дороговизна жизни... с конца сентября по настоящее время я еле-еле справляюсь с нашими многочисленными расходами»¹⁵.

Первыми, кто нанёс визит семье Кретзулеску в Петербурге, стали супруги Гирс: Николай Карлович в 1881 г. был товарищем министра иностранных дел, а уже через год получил портфель министра, а его супруга Ольга приходилась дочерью Е.М. Горчаковой и Г. Кантакузино. Из воспоминаний Лаховари и его жены Аны мы узнаем, что во время пребывания Кретзулеску в Петербурге у него с Гирсом сложились очень близкие отношения: «Дружба Гирса с Н. Кретзулеску началась ещё в Яссах, когда Гирс был там консулом»¹⁶. С годами эта дружба стала столь крепкой, что во время миссии в Петербурге мы часто проводили время в их семье, где нас принимали, как родных»¹⁷.

21 апреля 1882 г. от имени своих правительств Гирс и Кретзулеску подписали российско-румынскую «Конвенцию об отказе от взаимных претензий, проистекающих из войны 1877–1878 гг.». Необходимость в конвенции была обусловлена тем, что после Берлинского конгресса, по решению которого южная Бессарабия вернулась в состав Российской империи, между двумя государствами шли трудные переговоры, приведшие в 1878–1881 гг. к обострению их отношений. Со временем румынские политики стали с большой похвалой отзываться о Кретзулеску и о его «большой заслуге» перед родной страной, состоявшей именно в подписании апрельской конвенции»¹⁸. Зять Кретзулеску считал, что решение споров между двумя странами не было бы возможным без существенной поддержки Гирса. Этот аспект подчёркивал и сам Кретзулеску в беседе с А. Кандиано-Попеску: «Россия предоставила нам займ в размере 8 миллионов лей (винтовки Крынка и проч.), мы требовали от неё возмещать нам убытки за износ железных дорог и др. После войны Россия потребовала от нас ещё 3 миллиона. Я добился отказа России от этих претензий, и император сделал это только ради меня, ибо я угрожал Гирсу, что откажусь от своего поста в Петербурге, если он не сумеет уладить это дело»¹⁹.

Другим доказательством дружбы и взаимного уважения между Кретзулеску и Гирсом является случай с газетой «*Journal de Saint-Petersbourg*». В феврале 1883 г. в контексте дискуссий о праве Румынии на совещательный голос на Лондонской конференции о судоходстве на Дунае в этой газете была напечатана негативная статья о Румынии. Претензии этого государства иметь голос на конференции автор статьи счёл непомерными, поскольку, как он считал, только великие державы имели право принимать решения по дунайскому вопросу. Румынский министр в Петербурге не остался равнодушным к статье и при встрече

¹⁵ Ibid., d. 132, f. 2.

¹⁶ Н.К. Гирс, секретарь русского консульства в Яссах в 1841–1847 гг., в 1858–1863 гг. генеральный консул России в Румынских княжествах. Его дочь Ольга в 1886 г. вышла замуж за румынского дипломата Г. Росетти-Солеску.

¹⁷ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 825, f. 49.

¹⁸ Ibid., d. 309, f. 66.

¹⁹ Candiano-Popescu A. Amintiri din viața-mi. Vol. II / Ed. de C. Corbu. București, 1999. P. 71.

с Гирсом предупредил его, что подаст в отставку, если против газеты не будут предприняты меры. Гирс заверил Кретзулеску, что не одобряет тон и стиль статьи и обещал лично поговорить с редактором издания²⁰. Через несколько дней газета обнародовала опровержение статьи, отметив, что не имела намерения ущемлять интересы и права Румынии как прибрежного государства в ходе работы Европейской дунайской комиссии и Лондонской конференции²¹.

В начале 1883 г. началась подготовка к коронации Александра III. Румынию представляли министр Н. Кретзулеску, секретарь миссии первого класса А.Э. Лаховари и секретарь миссии второго класса Д. Пертикари в качестве атташе²². Кроме них из Бухареста приехали генеральный инспектор артиллерии Э. Арион и адъютант короля Карола I Э. Казимир²³. Дипломаты отмечали, что торжества по случаю коронации продолжались почти три недели, прошли «в помпезной азиатской роскоши и оказали на участвующих в них молодых людей ошеломляющее впечатление»²⁴. Осенью того же года Кретзулеску ненадолго приехал в Бухарест, где несколько раз встретился с русским министром в Румынии Урусовым. В донесениях, отправленных в МИД, Урусов писал, что считает Кретзулеску тонким дипломатом и что ему следует оставаться на посту в царской столице²⁵. Беседы Урусова с Кретзулеску часто имели и неофициальный характер. Так, Кретзулеску сообщил своему коллеге, что предложил королю Каролу I посетить Петербург, и получил в ответ заверения, что это произойдёт в ближайшее время²⁶. Достоверность данной информации сомнительна, поскольку ни в биографической литературе о Кароле I, ни в документах той эпохи упоминаний о таком намерении короля не обнаружено.

В Петербурге Кретзулеску активно интересовался и культурной жизнью. Благодаря его деятельности на этом поприще в феврале 1884 г. профессор Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанский известил румынского дипломата о том, что в университете открыт специальный курс румынского языка и литературы²⁷. Через месяц новый ректор университета И.Е. Андреевский благодарил дипломата за подарок – его книгу «Описательная анатомия». 25 апреля 1885 г. Кретзулеску стал почётным членом университета²⁸.

Кретзулеску заботился и об улучшении торговых отношений между Румынией и Россией. С этой целью он провёл переговоры с членом Общества для содействия русской промышленности и торговле И.С. Познанским. Оба пришли к заключению, что промышленники России и Румынии пренебрегают коммерческими взаимоотношениями²⁹. Этот вывод был обоснованным, если иметь в виду цифры торгового оборота между двумя странами в тот момент: экспорт Румынии в Россию составлял 4.44% общего объёма (в Австро-Венгрию – около 50%), а объём импорта из России – лишь 3%³⁰.

²⁰ Documente diplomatice române. Ser. I. Vol. 11. 1883 / Realizat de A. Ciupală, R. Dinu, A. Lukács. București, 2006. P. 105–106.

²¹ Ibid. P. 112–113.

²² Подробнее см.: Чеобану А.Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 61–68.

²³ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 140, f. 44.

²⁴ Ibid., d. 825, f. 50–51.

²⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 612, л. 194.

²⁶ Там же, л. 53.

²⁷ Cazan N., Rădulescu Zolner Ș. România și Tripla Alianță 1878–1914. București, 1979. P. 140.

²⁸ ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 66, f. 2, 3, 17.

²⁹ Documente diplomatice române. Seria I. Vol. 11. București, 2006. P. 226–227.

³⁰ Ardeleanu C. Comerțul exterior și navigația prin Gurile Dunării. Serii statistice (1881–1900). Galați, 2008. P. 22–32.

Летом 1884 г., будучи в отпуске в Бухаресте, Кретзулеску впервые пытался подать в отставку с поста посланника в царской столице и обратился с этой просьбой к министру иностранных дел Д.А. Стурдзе, мотивируя её, помимо прочего, не очень хорошими отношениями между румынским и российским правительствами³¹. Стурдза отставку не принял, заявив, что нельзя возлагать дела миссии на плечи «слишком молодых секретарей»³². Кретзулеску вернулся в Петербург, но летом 1885 г. вновь попросил об отставке. Представители влиятельных бухарестских кругов вновь смогли убедить его пересмотреть своё решение³³. Действительно, в течение следующих месяцев стране потребовался опытный дипломат для улаживания румыно-российских отношений. Это было связано с ситуацией на Балканах, где в сентябре 1885 г. разразился первый после Берлинского конгресса кризис.

Как справедливо заметил румынский историк Д. Каин, конгресс 1878 г. «слишком мало имел в виду интересы и стремления народов зоны и оставил много нерешённых проблем»³⁴. Одной из них была ситуация к югу от Дуная, где автономное княжество Болгария находилось под османским сюзеренитетом, а Восточной Румелией правил османский губернатор. Восстанием 6(18) сентября 1885 г. в городе Филиппополе этот губернатор был свергнут; таким образом произошло объединение Румелии с Болгарией под скипетром князя Александра Баттенберга. Случившееся застало врасплох и русское, и европейские правительства. Александр III в этот момент находился в Дании, а Гирс — в отпуске³⁵. Османские дипломаты испытали чувство *dejà vu*, вспоминая о событиях 1859 г., когда румыны подобным образом решили прибегнуть к политике свершившегося факта. Вместе с тем в беседе с главой британской дипломатии лордом Солсбери османский посол в Лондоне Мусурус-паша напомнил ему, что Румыния была отделена от Османской империи Дунаем, а объединение Восточной Румелии с Болгарией поощряет «панславянскую пропаганду», цель которой — достичь ворот Константинополя³⁶. Румынский посланник в Стамбуле Г.М. Гика доносил об «изумлении и переполохе», вызванными болгарскими событиями³⁷, а из Петербурга временный поверенный в делах В. Кучурияну сообщил об «общем удивлении» в России³⁸.

В следующие дни по поводу болгарских событий Петербург энергично протестовал и принял решение о выводе всех своих офицеров, находившихся на военной службе в Болгарии, что повергло болгар в настоящий шок³⁹. Рос-

³¹ Кретзулеску имеет в виду случай с К.А. Морузи, секретарём русской миссии в Бухаресте, который не проявил должного уважения к либеральному правительству и Каролу I. Вследствие переговоров между А.Э. Лаховари, секретарём румынской миссии в Петербурге, и Н.К. Гирсом Морузи был отозван из Румынии (*Ceobanu A.-B. La Légation de Russie à Bucarest, 1880–1886. Représentants et activité // Revue des Études Sud-Est Européennes. 2012. T. L. P. 302–304*).

³² ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 374, f. 1–2.

³³ Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, fond Dosare Personale, litera K, nr. 2, nepaginat.

³⁴ *Cain D. Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900. București, 2012. P. 54.*

³⁵ *Medlicott W.N. The Powers and the Unification of Two Bulgarias, 1885: Part I // The English Historical Review. 1939. Vol. 54. № 213. P. 71.*

³⁶ Ibid. P. 85.

³⁷ Documente diplomatice române. Seria I. Vol. 12, 1884–1885. Râmnicu Vâlcea, 2010. P. 601.

³⁸ Любопытно, что 10/22 сентября 1885 г. министр иностранных дел И. Кымпиняну выразил своё недовольство «небрежностью» В. Кучурияну, который не доносил в Бухарест «никакой полезной информации» (Ibid. P. 606–609).

³⁹ *Jelavich Ch. Tsarist Russia and Balkan Nationalism. Berkeley, 1962. P. 218.*

сия хотела, чтобы объединение Болгарии стало только её «делом» и в меньшей мере делом болгар и Баттенберга⁴⁰, отношения с которым к тому времени резко ухудшились. По словам временного поверенного в делах Великобритании в Бухаресте П. Сандерсона, в этом новом контексте Румыния заняла «пацифистскую»⁴¹, «выжидательную» позицию, а среди румынских политических лидеров царил беспокойство⁴².

Озабоченность румынского правительства была понятна, учитывая ходящие в стране слухи, что в Бессарабии сконцентрированы русские войска, а в Хотине мобилизовано приблизительно 5 тыс. человек⁴³. В течение октября секретарь румынской миссии в Петербурге Г. Росетти-Солеску провёл несколько встреч с русскими дипломатами, которые положительно оценили корректное поведение Румынии, продолжавшей поддерживать восстановление *statu quo ante*. О том же шла речь на встречах Кретзулеску с Гирсом⁴⁴. Сдержанное отношение Румынии по отношению к событиям к югу от Дуная неудивительно. Зажатая между Россией и Болгарией, Румыния постоянно подвергалась риску вторжения как с севера, так и с юга, и в таких условиях приоритет румынской дипломатии состоял в том, чтобы избегать любой напряжённости в отношениях с Россией или с другой державой, которая могла бы привести к превращению Румынии в театр военных действий⁴⁵. Румынскому правительству ещё не было ясно, на кого лучше сделать ставку, чтобы не испортить хороших отношений с соседями.

2(14) ноября Сербия объявила Болгарии войну под предлогом нападения болгар на сербские пограничные посты⁴⁶. На фоне этих событий Гирс выразил своё недовольство решением Румынии отправить на границу с Россией несколько полков. По его мнению, это решение выражало «враждебность и провокацию против соседнего государства». Кретзулеску проинформировал русского дипломата об отсутствии у румынского правительства скрытых намерений и о том, что эта мера была принята исключительно по рекомендации ветеринарной комиссии. Гирса данные разъяснения удовлетворили⁴⁷.

Бухарестские политики, в свою очередь, были недовольны тем, что Россия использовала Дунай для перевозки оружия в Рушук и Видин⁴⁸. Кретзулеску провёл несколько бесед с русским министром иностранных дел и по поводу слухов о перемещении русских войск по линии Бендеры–Галац; причём эти слухи Гирс опроверг⁴⁹. В начале сербо-болгарского конфликта складывалось впечатление, что Сербия выиграет войну, пользуясь своей превосходящей военной силой и тем, что болгарская армия осталась без русских офицеров, отозванных на родину. Однако сербы потерпели унижительное поражение при Сливнице, и только политико-дипломатическая интервенция Австро-Венгрии остановила болгарское наступление⁵⁰.

⁴⁰ Buşă D. Modificări politico-teritoriale în sud-estul Europei între Congresul de la Berlin şi primul război mondial (1878–1914). Bucureşti, 2003. P. 136.

⁴¹ Damean S.L. Diplomaţi englezi în România 1881–1914. Craiova, 2009. P. 123.

⁴² Documente diplomatice române. Vol. 12. P. 639.

⁴³ Ibid. P. 658.

⁴⁴ Ibid. P. 670, 687, 695, 748, 752.

⁴⁵ Dinu R. Introducere // Ibid. P. X.

⁴⁶ Catană B. Relaţii diplomatice româno-sârbe 1880–1913. Craiova, 2009. P. 123.

⁴⁷ Documente diplomatice române. Vol. 12. P. 786, 796, 801.

⁴⁸ Buşă D. Op. cit. P. 144.

⁴⁹ Cazan Gh. Cu privire la politica României faţă de Rusia în anii 1879–1893 // Analele Universităţii C.I. Parhon, Seria Ştiinţe Sociale, anul IX, nr. 16, 1961. P. 118.

⁵⁰ Jelavich Ch. Op. cit. P. 230.

10/22 декабря 1885 г. Сербия и Болгария подписали акт о перемирии и решили, что мирные переговоры будут вестись в Бухаресте⁵¹. В начале 1886 г., когда боевые действия закончились и следовало заключение мира, Кретзулеску подал в отставку с поста посланника в Петербурге, причиной чего, как он писал, стали «мои частные интересы, удалённость от моих детей и не в последнюю очередь трудность частых поездок отсюда в Петербург»⁵². Столицу Российской империи он покинул в апреле 1886 г. С уходом Кретзулеску завершился важный этап в истории румыно-российских отношений. После 5 лет, проведённых в столице Российской империи, Кретзулеску в 1891–1893 гг. был полномочным министром в Париже, после чего отошёл от дипломатической деятельности. В 1895–1896 и 1897–1898 гг. он занимал должность президента Румынской академии.

⁵¹ Buşă D. Op. cit. P. 145–147.

⁵² ANIC, fond Kretzulescu familial, d. 136, f. 3.

Советский Союз на Нионской конференции по борьбе с пиратством (10–14 сентября 1937 г.)

Ирина Хормач

USSR at the Nyon conference on sea piracy, September, 1937

Irina Khormach (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

Многие десятилетия термин «пиратство» ассоциировался со Средневековьем. В 1950–1980-х гг. о нём вновь вспомнили: в рамках ООН были приняты юридические акты по борьбе с пиратством, причём оно характеризовалось как противоправное действие частных лиц. В последние годы это понятие стало вновь актуальным в связи с сомалийскими пиратами. Но был период – время гражданской войны в Испании (1936–1939), – когда вопрос о пиратстве обсуждался на заседаниях Лиги Наций и на созданной ею конференции в г. Нионе (Швейцария). Здесь 14 сентября 1937 г. представители СССР, Великобритании, Франции, Турции, Греции, Югославии, Румынии, Болгарии и Египта подписали важное для всего международного сообщества соглашение о коллективных мерах борьбы с пиратскими действиями в Средиземном море подводных лодок военно-морских сил генерала Ф. Франко, Германии и Италии, осуществлявших блокаду Испанской республики.